

Так отлучали от родного языка

Разбирая свой литературный архив, я обнаружила переведенное когда-то мною письмо писателя Ф. Уяра, которое, на мой взгляд, не утратило своей злободневности и сегодня. Преподавание чувашского языка хоть и введено повсеместно, однако далеко от желаемого уровня. Интересны рассуждения писателя и на другие темы, воспоминания о далеких школьных годах. На чувашском языке это письмо наверняка было где-то опубликовано, а вот увидело ли свет на русском? В связи с 90-летием писателя хочется ознакомить читателя с думами литератора о родном языке.

Зоя РОМАНОВА.

ВОЗМОЖНО, этим письмом я повергну в жуткий страх тех, кто и без того привык всего бояться. Да простят они меня за это, но мне все же хочется высказать то, что не дает покоя.

В 1927—1930 годах культурная жизнь среди самарских чуваш буквально кипела. Вблизи города было много чувашских селений, и потому на ее улицах и базарах нередко можно было встретить земляков. В областном центре выходила газета «Колхозник» на чувашском языке.

То, что чувашки обитают на свете, чувствовалось не только в Самаре, но и в сельской местности: в Похвистневском, Исаклинском, Челновершинском, Сергиевском районах выходили чувашские газеты, где наряду с союзными и районными вестями печатались рассказы и стихи местных авторов. На сельских улицах вечерами звучали наши песни, работали хоры, драмкружки. Чувашские песни в исполнении хора из деревни Кармало-Аделяково (Сергиевский район) долетели аж до самой Москвы...

В средней школе мы считали русский язык основным предметом. На его изучение нам, нерусским, отводилось восемь часов в неделю, для изучения же родного языка и литературы — в два раза меньше. С такой программой я согласен и поныне, потому что родной язык нам, чувашам, давался гораздо легче: ведь он впитывался с молоком матери.

Итак, в течение 3—4 лет мы свободно говорили, читали, учились по-чувашски. Для тех, кто был старше нас, это славное время продлилось, пожалуй, дольше — лет до десяти. И тут всенародный подъем стал потихоньку угасать. Идеологи Сталина начали сортировать народы. Оказалось, что одна из наций — великая, другие — средние, третьи — малые или малочисленные. Удел средних и малых народов — как можно скорее присоединиться к великому народу и раствориться в нем. Для того, чтобы ускорить сей «прогрессивный» процесс, малые народы должны были отказаться от своего языка, народных обычаев и принять культуру руководящей нации.

Звучали призывы: опасаться тех, кто любит свой (малый) народ, пишет о нем, это — националисты. Иначе говоря — враги.

...Первой в области была закрыта Самарская чувашская школа, готовившая учителей для чувашских сел и деревень. Затем было закрыто чувашское отделение Подбельского педагогического техникума. Настала очередь чувашских педтехникумов в Казани и Ульяновске.

В подобных мероприятиях чувашки, как правило, всегда оказывались впереди.

Позднее, когда начался мас-

совый перевод чувашских школ на обучение по русским программам, районные власти Куйбышевской области пытались оправдать свои действия следующими причинами: 1) сельские жители не желают учить своих детей по-чувашски; 2) чтобы обучать по-чувашски, нет учителей; 3) руководители Куйбышевской области этот вопрос согласовали с лидерами Чувашской Республики и нашли общий язык.

Могло ли руководство Чувашской Республики (Чувашский обком КПСС и Президиум Верховного Совета Чувашской АССР) пойти против Куйбышевского обкома? Разумеется, не могло. Если бы со стороны Чувашии была сделана попытка вмешаться в судьбу земляков, живущих в другой области, Москва зачислила бы лидеров Чувашии в разряд националистов и моментально сделала бы оргвыводы.

То, что чувашки не хотят своих детей обучать родному языку, — чистейшая неправда. Конечно, найдутся среди целого народа и такие «несчастливые». И не только найдутся — а нашлись. Нас, мол, все равно затмят большие народы, так что нечего рыпаться. Другие высказываются еще определеннее: «Мы все равно должны стать русскими». Жаль, что чувашки так и не научились уважать и ценить себя. Раньше они целыми селениями становились татарами. И сейчас смотрят по сторонам: куда бы, под чьи знамена встать и быть счастливым?

Какой народ легче заставить забыть свой родной язык? Тот, который не знает своей истории, тот, который не осознал своего места в обществе. Это очень хорошо чувствовали идеологи времен Сталина — Хрущева — Брежнева, потому и перевели обучение по русским программам. И вот результат этой тридцатилетней «деятельности»: из более чем миллиона чуваш, живущих за пределами республики, 850 тысяч не умеют ни читать, ни писать по-чувашски.

От человека, пренебрегающего родным языком, можно ожидать чего угодно. Сегодня он стыдится говорить по-чувашски, завтра — по-русски...

Как же реально происходило отлучение от родного языка в школах Самарской области? Кто «герои» этого дела? Разумеется, в первую очередь директора школ и заведующие учебной частью. Но не все. Первыми в эту кампанию включились те, кто едва-едва держался на своем посту. Двух таких борцов я знаю достаточно хорошо. Один из них — бывший директор Рысайкинской школы Похвистневского района Яковлев, другой — завуч Новоганькинской средней школы Исаклинского района Петров.

Яковлеву пришлось очень трудно. Рысайкино — древнее

■ Писатели Федор Уяр (справа) и Алексей Медведев.

чувашское село. Сколько помню, жители его так и остались некрещеными. Они строго соблюдали старинные обычаи, передавая их из поколения в поколение. Итак, село разделилось на две противоборствующие силы: по одну сторону — «истинные чувашки», по другую — не владеющий толком ни чувашским, ни русским агитатор Яковлев. Зато хорошо чующий, откуда дует ветер.

Яковлев не один раз собирал в школу родителей учеников. И как только речь заходила о прекращении обучения на родном языке, люди голосовали «против» и уходили с собрания. Тогда Яковлев решил их обрабатывать поодиночке. Пошел по домам. Уговорил одного — и тут же подсунил список, заранее заготовленный, заставил расписаться, за другого сам подмахнул, третьего взял на испуг...

Так, «по просьбе родителей учащихся» в Рысайкинской школе было прекращено обучение чувашскому языку. Вся школа с первого класса перешла на русскую программу. Еще вчера считавшийся одним из худших директоров школ, Яковлев стараниями районных властей получил орден.

И вот уже более тридцати лет не звучит чувашское слово в стенах школ Исаклинского, Сергиевского и Похвистневского районов. Не увидите вы здесь ни одного портрета представителя чувашской культуры! Многие из ребят даже не слышали, что есть космонавт-чуваш...

Удивительно: в исконно чувашском селе не хотят учить детей языку двухмиллионного народа. Не заслужил чести? А ведь люди учили даже язык своего врага. Ученые бьются над возрождением языков, давным-давно исчезнувших с земного шара. А мы, в угоду карьеристам-аппаратчикам, забываем язык своих предков, родителей.

Неужто нам не стыдно? «Прекрасное будущее» ожидает чувашских писателей. Сохранившийся на протяжении веков (а может, и тысячелетий?) чувашский язык в последние 80—90 лет может исчезнуть без следа.

Когда мы, группа чувашских писателей, во время своей поездки по Похвистневскому и Исаклинскому районам заводили речь о том, чтобы включить уроки чувашского языка в школьную програм-

му, районное начальство умоляло нас не поднимать этого вопроса, причисляя к названному выше причинам новые: оказывается, и обучать-то чувашскому сейчас совершенно некому (видать, позабыли, что сами закрыли чувашское отделение в педучилище), и количество уроков в школах резко увеличится, чем запугали родителей учащихся. Еще одно возражение районных аппаратчиков: изучение чувашского языка мешает чувашским детям при поступлении в вузы.

Неправда, сушая неправда. А если сказать резче — клевета. Тот, кто хорошо знал чувашский, прекрасно владел и русским, успевал и по иностранному языку. Тому, кто стремился учиться, знание чувашского не только не мешало, наоборот, расширяло кругозор, помогало в учебе. Не зря же говорил наш выдающийся учитель И. Я. Яковлев: у знающего один язык — один ум, у знающего два языка — два ума.

Мешает ли знание чувашского при поступлении в вуз? Приведу несколько цифр. За четыре года чувашскую школу второй ступени, где учился и я, окончили 84 ученика. Из них 45 (заметьте: более половины!) поступили для дальнейшей учебы в вузы (журнал «Сунтал», № 2, 1929 г., из статьи Власа Паймена).

«Что же еще осталось у нас закрыть, прекратить, изгнать?» — невесело шутят мои земляки. В конце концов, невольно возникает вопрос: для чего руководители нашего государства стремятся во что бы то ни стало «обрусить» малые народы? В годы Сталина, Хрущева, Брежнева, сжав зубы, приходилось мириться с этой политикой. Сейчас — нет, не хочется мириться. Хватит сидеть и беспомощно разводить руками!

Надеюсь, читатель понял мою мысль: живущие на селе дети в первую очередь должны научиться читать и писать по-чувашски. А уж потом можно начинать обучение русскому языку. В программе средней школы непременно должны быть уроки чувашского языка и литературы.

Хведер УЯР,
народный писатель Чувашии.
Самарская область —
Чебоксары. 1986 год.
Фото Вячеслава РОМАНОВА.